

Недавно Гоудань свёл знакомство с одним стариком, большим мастером рассказывать истории. В тот день они с Ван Сюанем опять ходили смотреть на тех, кто уезжает на автобусе в уездный город. На обратном пути Гоудань решил сделать приличный крюк — надеялся разорить парочку птичьих гнёзд или набрать сухого валежника для домашнего очага. Деревья уже вовсю зеленели, так что сухие, безжизненные ветки, не выдержавшие весенней борьбы за жизнь, были видны издалека.

Крюк вышел знатным. Дорога вела мимо государственной фермы, где из-за недавней распашки тянулись бескрайние уголья. Работали на этих землях и демобилизованные солдаты, и военные поселенцы, а также сосланные в деревню интеллигенты — бывшая элита самых разных профессий.

Гоудань обо всём этом не догадывался. Он как раз бережно нёс ворох птичьих яиц, когда его окликнул незнакомец. На старике красовалась поношенная кепка, а под мышкой он держал охапку сухого хвороста.

— Эй, малец, чего там в кулаке прячешь?

— А вам какое дело? — Гоудань привычно насторожился, встретив незнакомого человека.

— Эх ты... Трава растёт, птицы поют... Пернатые с самого юга летели, лютую зиму пережили, гнёзда свили с таким трудом. А ты пришёл — и всё разорил за раз.

Гоудань набычился.

«Ишь чего удумал! На чужие яйца позарился? Разбежался!»

— Вы что же, птичья родня, раз так за них заступаетесь? — буркнул он, пряча добычу за спину.

Связываться со стариком не хотелось: тот хоть и выглядел исхудалым, но оставался высоким и крепко сбитым. Гоудань, конечно, бегал быстро, да и Ван Сюань отставал ненамного, но до деревни путь лежал неблизкий. Если этот верзила решит отобрать добычу силой, придётся несладко.

Старик аж покраснел от возмущения:

— Ишь, языкастый какой! Где это видано, чтоб человек птице родней приходился? Я к тому, что лакомство тебе только раз и достанется. В следующий раз птицы в другом месте гнёзда совьют.

Он прищурился и заговорщически понизил голос:

— Давай так: отдашь мне половину яиц, а я научу тебя, как сделать так, чтобы из одного и того же гнезда несколько раз добычу уносить.

«Так я и знал! Всё-таки выманивает!»

Гоудань покрепче схватил Ван Сюаня за руку и потянул в обход:

— Старый бесстыдник! У детей последнее отобрать пытается. Пошли, А-Сюань, нечего с ним якшаться.

— Да кто отбирает?! — закричал старик им в спину. — Поменяться я хочу! По-честному! Да я в своей жизни чего только не видал, просто свежатинки захотелось, душу отвести!

Гоудань даже шагу не сбавил. Старик занервничал и, оглядевшись, приглушил голос:

— Слышь, малец! Я куплю! Куплю, идёт?

Гоудань притормозил, недоверчиво хмыкнув:

— Ну да, держи карман шире. Разбежался врать-то.

— Да истинный крест! Стал бы я из-за копеечных яиц ребёнка обманывать? Деньги у меня водятся.

Гоудань подозрительно прищурился, смерив собеседника взглядом:

— Слышь, дед... Ты никак из этих, сосланных? Которые тут трудом исправляются?

— Какое ещё «исправляются»? — насупился старик. — Я честным трудом хлеб зарабатываю, прямо как твой отец с матерью! Труд у нас в почёте!

Он гордо выпрямился и добавил:

— Я в столице, почитай, всю жизнь прожил, чего я там не видывал? Просто тут тоска смертная, вот и захотелось полакомиться.

Гоудань, уже собравшийся было уходить, резко обернулся:

— Из самой столицы? А ну колись, как там вообще? Правда, что Председатель живёт в бывшем императорском дворце?

Старик так и просиял. Гоудань хоть и пытался напустить на себя равнодушный вид, но глаза его выдавали — так и горели от любопытства.

«Ага, малец, попался-таки на крючок!»

Давеча старик разнервничался, решив, что деревенскую детвору обвести вокруг пальца — раз плюнуть. Да только паренёк оказался хитёр как лис. Из их короткой перепалки бывший столичный житель уяснил главное: жизнь большого города манила мальчишку как магнит.

Каким бы неотёсанным воякой ни казался старик Чжу, в своё время он занимал немалые чины. И пускай теперь из-за длинного языка его сослали в эту глушь на перевоспитание, ума он не лишился. Чтобы его какой-то деревенский шкет вокруг пальца обвёл? Ну уж нет.

Он принялся травить байки о столице, и Гоудань слушал разинув рот. Вскоре выяснилось, что больше всего мальчишке по душе рассказы о былых сражениях. Старик Чжу охотно делился военными историями, изрядно приукрашивая их для красного словца.

Мальчишка увлёкся не на шутку. В тот самый первый день, наслушавшись вдоволь, он без сожаления отсыпал деду половину своей добычи. Со временем военные байки поутихли — о некоторых вещах болтать не полагалось, да и вообще, если отбросить романтику, война — штука нудная и страшная. Чтобы Гоудань и дальше делился с ним добычей — а малец иногда умудрялся приносить то зайца, то дикого фазана, и расставаться с ними за бесценок не желал, — старику приходилось ломать голову. Он начал вспоминать старинные предания и жуткие сказки о нечисти, которые сам слышал в глубоком детстве.

Правда, не всякая небылица приходилась Гоуданю по вкусу. Стоило старику схалтурить, как мальчишка тут же разворачивался и уходил, заставляя деда в досаде топтать ногами.

Шло время, и теперь уже не только Гоудань с Ван Сюанем бегали к старику слушать его невероятные небылицы. Вскоре за ними потянулась и вся деревенская детвора. Ребятне не терпелось услышать про заморских чертей, с которыми воевал дед. Старик Чжу описывал чужеземцев как настоящих великанов: дескать, наши рослые мужики им едва до шеи доставали.

Особенно он усердствовал, расписывая темнокожих: те якобы вообще были огромными, а наши бойцы им едва до груди доходили.

— Вот потому-то нашу армию и зовут непобедимой ордой! — гремел старик, размахивая руками. — Ну и что с того, что эти янки вымахали с версту? Я их со своей старой раздолбанной винтовкой до самой Америки гнал!

Было ясно, что старик Чжу прошёл корейскую войну и заслужил немало орденов, но какая-то немилость швырнула героя на эту захолустную ферму.

— Дедушка Чжу, а сколько ты этих американцев уложил? — допытывались пацаны.

— Да кто ж их там считал-то! — отмахивался он. — Сами посудите: бой идёт, пули свистят, некогда там по головам считать, уложил ты его или нет!

Правда то была или вымысел — неважно; главное, старик тешил душу воспоминаниями, а ребятня слушала открыв рот.

Такие посиделки случались регулярно.

Конечно, старик Чжу не всегда мог выбраться к ребятам. Порой его распределяли на работы вглубь фермы, куда посторонним — а уж тем более деревенской детворе — соваться строго запрещалось: всё-таки угоды были на полувоенном положении. Приходилось договариваться о встречах заранее. Гоудань прибегал не каждый день, давая старику время собраться с мыслями и подготовить новую историю. Да и сам дед старался не ради гостинцев — его просто душило одиночество.

Дисциплина на ферме была суровой. Лишь во время полевых работ у него появлялись свободные минуты. Охранники сквозь пальцы смотрели на его общение с местной детворой — главное, чтобы норму выполнял и из виду не пропадал.

Конвоиры близко не подходили и в разговоры не вступали: ссыльные считались оступившимися людьми, лишние контакты с ними не поощрялись. Да и между собой товарищи по несчастью общались мало — от греха подальше. А старик Чжу по натуре был человеком общительным, весёлым, и от этого молчания едва с ума не сходил. Так что весёлая гурьба ребятишек стала для него настоящим спасением.

С приходом летнего зноя Гоудань договорился со стариком о новой встрече. Тот пообещал рассказать нечто особенное, от чего у всех дух захватит. Мальчик ждал этого дня с замиранием сердца.

Гоудань привык верховодить, да и толпой слушать интереснее, так что он решил собрать всю свою ватагу. Первым делом он завернул к Цичжи. Тот, завидев друга, без лишних слов пристроился следом. Втроём они двинулись дальше. Стоило им подойти к чьей-нибудь избе, как они дружно затыгивали призывный крик, и очередной приятель пулей вылетал за ворота.

Матери и бабки лишь досадливо плевали им вслед:

— Ишь, закружились, чертенята дикие! Совсем от рук отбились!

Да только мальчишкам до этих криков дела не было — они уже неслись дальше.

Вскоре за спиной Гоуданя шумела приличная банда из пяти-шести человек. В те годы в семьях детей было много, росли они как трава у дороги — без лишней опеки. Старшие приглядывали за младшими, вот и за Дачжуаном хвостиком увязались двое его братьев и крошечная сестрёнка. Братья-то были уже вполне самостоятельными, один чуть постарше Гоуданя, другой — помладше. А вот трёхлетнюю пигалицу Гоудань велел немедленно вернуть бабке: мала ещё с ними таскаться.

Если ватага увлечётся, они ведь могут и на гору полезть, и на деревья карабкаться, и в речку сигануть. Куда туда с такой крохой?

— А Дафу чего не пришёл? — спросил кто-то. — Вчера же божился, что пойдёт.

— Да он дома, за тёткой своей присматривает, — ответил другой.

— Тётка-то у него взрослая девка, чего за ней присматривать?

— Да я вам правду говорю! Пойдём покажу, он прямо у дверей караулит. Его дед тётку под замок посадил.

— Это за какие такие грехи?

Новость так раззадорила мальчишек, что они всей гурьбой припустили к дому Дафу.

— Дафу! Дафу! Дома ты?! — заорали они ещё с улицы.

Подбежав к калитке, они застали братьев — Дафу и Дагуя. Те сидели на притащенных из дома табуретках прямо у крыльца с кислыми минами.

— Вы чего тут расселись, как сычи? — крикнул Гоудань.

Увидев друзей, братья надулись ещё сильнее — каково это, сидеть под арестом, пока все остальные идут развлекаться?

— Дед тётке жениха сосватал, — нехотя буркнул Дафу, мотнув головой в сторону двери. — А она упёрлась: подавай ей, видите ли, нищebroда из соседней деревни, и всё тут. Вот дед её под замок и определил.

Ребята притихли, прислушиваясь. Из недр избы доносился звон бьющейся посуды и глухие проклятия.

— Раз дверь заперта, чего вы тут торчите? — удивился Гоудань, разглядывая огромный

амбарный замок на хлипкой двери мазанки. Замок этот явно сняли с колхозного амбара, на дверях спальни такой роскоши отродясь не бывало.

— Пошли с нами, никуда она из запертого дома не денется! — позвал Цичжи.

У Дафу с Дагуем глаза загорелись. Торчать на крыльце им осточертело до смерти. Они с сомнением покосились на массивный замок — вроде надёжный, но мало ли...

— Слышь, — заговорщически подмигнул Гоудань, — а давайте её снаружи чем-нибудь подопрём? Для верности. Тогда точно не сбежит.

Идея пришлась по душе всей банде. Ребята мигом разыскали во дворе толстый деревянный брус. Один его конец упёрли в землю, другой — подклинили под дверную ручку, соорудив надёжную распорку. Изнутри такую конструкцию ни за что не вышибить. Окошко мазанки закрыли ставнями и заперли таким же макарон.

В комнате сразу потемнело. Тётка Дафу почуяла неладное и закричала изнутри, призывая племянников к порядку, но те лишь беззвучно хихикали, зажав рты ладошками. Убедившись, что все лазейки надёжно перекрыты, а пленница яростно колотит в дверь, весёлая орава с хохотом бросилась врассыпную.

Умчавшись на речку, мальчишки начисто позабыли о бедной затворнице. Та кричала-надрывалась, да всё без толку — пока взрослые не вернулись с полевых работ, выволить её было некому. Только к ужину и открыли.

На сей раз старик Чжу пришёл не один. Рядом с ним на бревне примостился сухопарый дедок, бывший на полголовы ниже своего громоздкого товарища. Завидев бегущую к ним гурьбу, новоприбывший ухмыльнулся. Ребяшня расселась вокруг, и, пока старик Чжу начинал вещать, мальчишки привычно принялись полоть сорняки вокруг дедовской делянки. Хотя и малыши, а за интересным рассказом общими силами незаметно выкосили приличный кусок травы.

Вдруг сухопарый дедок подал голос:

— Эй, мелюзга, а хотите, я вам тоже историю расскажу?

Он похвастался, что тоже столичный житель, и, не обращая внимания на то, как старик Чжу яростно пыхтит и топорщит усы, начал повествование. Рассказывал он складно, живо, куда увлекательнее своего приятеля.

— Это древнее предание, зовётся оно «Троецарствием»! — победно провозгласил старик.

— Слышь, старик Чжан, шёл бы ты отсюда со своим хвостовством, — сквозь зубы прошипел Чжу, толкнув соседа локтем.

Он не на шутку испугался, что этот хитрый лис переманит его преданных слушателей. Кому он нужен будет со своими солдатскими байками, если этот старый хрыч начнёт соловьём разливаться? Чжу характер соседа знал как свои пять пальцев.

Но, надо отдать должное, старик Чжан действительно обладал недюжинным умом. Ещё в юности, на закате прежней династии, он умудрился сдать экзамены на учёную степень цзюйжэня — случай из ряда вон выходящий. Позже, пережив лихолетье, он стал профессором в педагогическом институте, пока судьба не забросила его в эти края.

В отличие от других ссыльных интеллигентов, которых по дороге едва живыми не оставили, старик Чжан перенёс ссылку сравнительно легко.

Старик Чжу, прошедший огонь и воду, привык полагаться на чутьё. А оно подсказывало, что этот щедушный на вид профессор — фрукт ещё тот. Под тихой личиной скрывался изворотливый и крайне ехидный ум. Дед Чжу подозревал, что хитрый профессор сам подстроил свою ссылку, просто чтобы переждать бурю в безопасном захолустье.

И вот теперь этот проныра пронюхал про его маленькую отдушину и решил вклиниться. Как его выпроводить, Чжу ума не мог приложить. К тому же пацаны слушали профессора затаив дыхание, да что греха таить — сам старик Чжу частенько ловил себя на том, что прислушивается к чужому рассказу. Уж очень красиво старик Чжан излагал, не чета его собственному косноязычию.

Гоудань с приятелями уже давно позабыли про деда Чжу, целиком погрузившись в мир древних сражений и хитроумных стратегий «Троецарствия». Старик Чжан успел поведать лишь две главы, а детвора уже требовала продолжения. Даже Чжу, вытянув шею, ловил каждое слово, про себя признавая превосходство соперника.

Лишь когда на горизонте показался надзиратель, Гоудань нехотя поднялся и увёл свою банду домой. Охрана сквозь пальцы смотрела на эти посиделки: дневная норма была не просто выполнена, а перевыполнена благодаря детским рукам, так чего шуметь? К тому же, хотя большинство ссыльных были предоставлены сами себе — от некоторых даже собственные дети отреклись, годами носа не казывая, — эти двое стариков стояли на особом счету. Кое-кто из высокого начальства потихоньку замолвил за них словечко. Особенно за упрямого вояку Чжу. Будь у того характер помягче да язык не такой острый, он бы давно уже в столице чаи распивал.

Надзиратели тоже понимали: времена меняются, жизнь — штука непредсказуемая, незачем портить отношения с теми, кто завтра может снова оказаться на коне.

Вот и помалкивали. Старики всегда работали в паре, а благодаря набегам детворы трудиться им стало куда легче.

Гоудань, малец смыслённый и хваткий, частенько приносил им гостинцы. То кусок лепёшки притащит, то варёную картофелину — всё ради того, чтобы послушать о столичной жизни.

Старики поначалу диву давались: откуда у деревенского пацана то и дело мясные объедки перепадает? Гоудань отнекиваться не стал: мол, бегают быстро, да и собаки у них с Ван Сюанем — Дагуай и Сяогуай — чистые волки, любую дичь загонят. Добычу они тайно домой проносили, варили потихоньку, чтобы соседи по запаху не пронюхали. В голодные годы, когда у людей чашка жидкой каши за праздник, аромат тушёного мяса из чужого двора мог навлечь крупные неприятности.

Всё ведь нынче народное, колхозное! Попробуй утаи кусок — мигом в единоличники запишут да на собрании пропесочат.

Старики поначалу не верили, но, когда Гоудань как-то раз на их глазах перемахнул через широкую канаву и умчался быстрее ветра, все сомнения отпали. Дед Чжу только крикнул восхищённо:

— Эх, золотой малец! Из него бы такой солдат вышел — загляденье!

— Каким ещё солдатом? — возразил профессор Чжан. — Родись он в былые времена, точно бы разбойничьим атаманом стал. Вольница — его стихия.

На самом деле он хотел сказать «великий смутьян», но прикусил язык. За время их общения он понял: Гоудань обладал редкой изворотливостью и незашоренным умом. В то время как у большинства деревенских ребят мысли двигались строго по наезженной колее, этот парень соображал молниеносно.

Если это не влияние окружения, значит, чистый самородок.

— Ты свои крамольные мысли побереги, нечего парню голову забивать, — насупился Чжу. — Славный же малец растёт...

— И вырастет таким же упрямым дураком, как ты? — съязвил Чжан. — Сам ведь на рожон полез, теперь локти кусаешь. Сдаться вовремя — тоже наука. В наши дни главное — уцелеть, голову сберечь, а уж потом права качать. А лезть на амбразуру с голыми руками — глупость несусветная.

Бросив напоследок эту шпильку, профессор Чжан зашагал прочь, оставив генерала в ярости топорщить усы.

Домой детвора вернулась без приключений, огребли только Дафу с Дагуем. Отец всыпал им по

первое число за то, что бросили тётку запертой. Бедняжка от ярости иссохла вся, кричала, пока голос не сорвала, а испить глоточек воды — некому подать. Когда родители с поля вернулись, она только хрипеть могла.

Спустя пару дней Дафу снова прибежал гулять. Сидеть на крыльце ему больше не требовалось: дед скорым порядком спровадил строптивую девку в дом жениха.

— И что, согласилась-таки? Неужто бунт не подняла? — допытывался Гоудань.

— Да как не подняла, орала на всю деревню! — махнул рукой Дафу. — Только дед слушать её не стал. Сватовство-то ещё два года назад сговорили. Ну, дед за пару дней все дела уладил, даже свадьбу играть не стали. Отвезли её к младшему зятю да в комнате заперли. Сказал — пускай там сидит, пока уму-разуму не наберётся. Сказал, другого зятя знать не желает.

Запереть собственную дочь и насильно выдать замуж — это ж как надо было невзлюбить того деревенского ухажёра! Уж лучше позорная спешка, лишь бы дурь из девки выбить.

Гоудань подумал, что дед Дафу очень похож на героев из рассказов профессора Чжана: суровый, верный слову и готовый на всё ради порядка.

— Держи вот, — Дафу с явным сожалением извлёк из кармана две заветные конфеты и протянул их Гоуданю и Ван Сюаню.

Гоудань снисходительно потрепал его по плечу — как-никак по деревенской родословной он многим сверстникам в деда годился.

Ван Сюань тоже довольно заулыбался. Получить леденцы — великая радость, особенно если вспомнить, что именно они помогли испечь тётку Дафу под замок.

— Спрячь пока, — приказал Гоудань другу. — Дома в воде растворим, сладкую водичку пить будем.

Леденцы были дешёвые, каменные, если долго сосать — все дёсны в кровь издерёшь. Лучше уж сироп сделать.

Ван Сюань послушно опустил конфеты в карман штанов под тоскливым взглядом Дафу.

— И Дагуай с Сяогуай по половинке дадим, — добавил А-Сюань.

— Это ещё зачем собакам сладкое переводить? — вытаращил глаза Дафу.

В его понимании пёс — тварь нечистая, помоечная. Дома собак кормили объедками, а коли забудут — те и за ребятишками дерьмо прибрать не гнушались. С какой стати деликатесы на них тратить?

Да и вообще, у Гоуданя с А-Сюанем отношение к собакам было чудное. Дафу своими глазами видел, как те мыли своих кобелей в речке с мылом. Сам Дафу так часто не мылся, а тут — псов намывать! Да ещё обнимаются с ними, в постель пускают — тьфу, срамota.

— Наши Дагуай и Сяогуай — не чета вашим пустолайкам, — обиделся Ван Сюань, ласково погладив крупную голову Дагуая.

Щенки давно вытянулись, растеряв детское очарование, зато бегали быстрее ветра и крыс ловили лучше любого кота. Умные были — каждое слово понимали. А-Сюань терпеть не мог, когда их любимцев помойными собаками величали.

Тем временем на полях колосилась рожь — со дня на день колос должен был налиться силой. Пришла пора подкормки. Женщины с утра до ночи гнули спины на прополке, а мужчины шли следом, разбрасывая по бороздам золу и перегной. Да только культурные всходы тянулись неохотно, а сорнякам хоть бы хны — росли как на дрожжах, забивая всё вокруг.

Не успеешь прополоть один край, как на другом уже снова зеленеет бурьян. Корни у сорной травы цепкие, жадные: не вырвешь вовремя — сожрут все удобрения, и труды насмарку, колос зачахнет. Потому мужикам доставалась самая грязная работа — таскать да жечь навоз, а бабы целый день пеклись под палящим солнцем, выдёргивая сорную траву.

Работать приходилось голыми руками — тяткой среди густых всходов орудовать побоишься, не ровен час нежные стебли повредишь. К вечеру спину разогнуть не можешь, а ладони — сплошное кровавое месиво, изрезанное жёсткими листьями осоки.

Только земля пахнет потом тех, кто её возделывает. Тяжела крестьянская доля, и каждый отец тайне молился, чтобы его дети вырвались из этого вечного круга, зацепились в городе и никогда больше не гнули спину на пашне.

Ли Сы вернулся с работы, насквозь пропитавшись зловонием навозной кучи. Домой заходить не стал — сразу свернул к ручью. Гоудань приметил отца ещё издали и швырнул ему обмылок — заношенный, размером с куриное яйцо кусок хозяйственного мыла. Купили его бог весть когда, берегли пуще глаза и пользовались по праздникам.

Отец поначалу замахал руками:

— Да брось ты, зачем добро переводить? Я и так, песочком речным потрусь, вся грязь и сойдёт.

Но Гоудань обмылок не забрал, только буркнул под нос:

— Пользуйся давай, а то сгниёт без дела.

Ли Сы только хмыкнул благодарно и побрёл к воде.

Известное дело — мыло не гниёт. Со временем оно лишь усыхает да каменеет, мылиться хуже не станет. Да только в те времена без талонов мыла днём с огнём не сыщешь, оттого и берегли каждый кусочек.

Ли Сы с наслаждением смыл с себя дневную грязь, сполоснул тут же портки с рубахой и натянул их, мокрые, обратно на тело. В летний зной одежда высыхала прямо на ходу, пока до дома шёл. Обычное дело.

Так почти вся деревня поступала. Во-первых, сменной одежды раз-два и обчёлся, а во-вторых, от частой стирки ветхое полотно быстро в труху превращалось. Вот и повадились мужики: искупался в ручье, заодно и рубаху сполоснул — и суши прямо на рёбрах.

Дома запасы давно подошли к концу: ни крупы не осталось, ни сушёного батата. Гоудань с Ван Сюанем после школы приноровились бегать на старые колхозные поля, где по осени убирали сладкий картофель. Землю там ещё не перепахали, и забытые в почве клубни дали первые ростки. По этим нежно-зелёным стрелкам мальчишки и находили добычу.

Конечно, перезимовавший батат уже тронулся в рост — сердцевина у него потемнела, крахмала почти не осталось, но выбирать не приходилось. Поля эти пустовали редко: каждый день там бродили худые тени местных жителей с плетёными корзинами за плечами. Люди ковыряли подсохшую землю старыми ножами да ржавыми узкими лопатками в надежде отыскать хоть какую-то пищу.

Бывало, потянешь за зелёный росток, а там — пшик, одна гнилая кожура да ниточки корней.

За целый день едва наскребали на котелок похлёбки.

У многих в деревне закрома опустели начисто, и как дожить до нового урожая — бог весть. Старики целыми днями только тем и занимались, что рыскали по оврагам да перелескам в поисках хоть чего-то съедобного.

<http://bllate.org/book/19654/1996702>